

Морозов Иван Игнатьевич

Разрыв-трава

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Игнатьевич М.**
Разрыв-трава / Морозов Иван Игнатьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
72 с.

ISBN 978-5-519-97474-5

ISBN 978-5-519-97474-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Иванъ Морозовъ, крестьянинъ Зарайскаго уѣзда, родился въ 1883 году. Двухъ лѣтъ онъ потерялъ отца и остался на попеченіи матери, у которой было еще четверо дѣтей старше его. Мать часто рассказывала сыну о томъ, какъ люди жили до 61 года, рассказывала объ ужасахъ, пережитыхъ лично ею и порою говорила, что все это «написано въ книжкахъ» — она была грамотна и происходила изъ секты молоканъ. Ея рассказы пробудили въ сынѣ желаніе учиться, съ помощью матери онъ быстро выучился чтенію на церковно-славянскомъ языкѣ; первая книга, прочитанная имъ — Библія. Затѣмъ, по настойчивому желанію ребенка, его отдали въ сельскую школу, гдѣ ему особенно полюбилась «Хрестоматія» Паульсона.

Стихотворенія, помѣщенные въ этой славной книгѣ, которую, вмѣстѣ съ «Роднымъ Словомъ», многіе вспоминаютъ благодарно, — вызвали у Морозова «необычайный восторгъ», какъ говоритъ самъ онъ.

Однажды, подъ вліяніемъ только что прочитаннаго стихотворенія Пушкина, Морозовъ написалъ свое первое стихотвореніе; онъ долго пряталъ его, какъ часть своей души, но случайно учительница обнаружила этотъ лепетъ ребенка, заинтересовалась мальчикомъ и стала знакомить его съ русской поэзіей. Морозовъ читалъ Жуковского, Кольцова, Пушкина и когда, «очарованный прелестью стиховъ» послѣдняго, узналъ, что Пушкинъ былъ убитъ на дуэли, это поразило его, онъ «не могъ представить себѣ—какъ можно было поднять руку на полубога»?

Когда мальчикъ оканчивалъ школу, ее посѣтилъ инспекторъ, учительница показала ему стихотвореніе Морозова, инспекторъ заставилъ ученика прочитать любимые имъ стихи, а послушавъ, предложилъ учительницѣ подготовить даровитаго мальчика въ учительскую семинарію.

Пусть дальше рассказываетъ самъ Морозовъ:

«Не помня себя отъ радости, прибѣжалъ я домой. Съ какимъ восторгомъ рассказывалъ я матери обо всемъ происшедшемъ и какъ умолялъ ее отпустить меня въ семинарію. Мать, когда узнала отъ учительницы, что за все время обученія въ семинаріи я буду на казенномъ содержаніи,—согласилась на мои просьбы и я принимаюсь за подготовку въ семинарію. Трудно было безъ помощи опытнаго лица; учительница уѣхала на лѣтніе каникулы, не у кого просить совѣтовъ и указаній. А какъ разъ—лѣтняя пора: цѣлый день проводишь въ полѣ, исполняя по-сильныя работы и только вечеромъ, когда всѣ ложились спать, принимался я за уроки, да и то украдкой,

чтобы старшіе въ семьѣ не могли замѣтить и вырвать изъ рукъ книжку. Только въ праздничные дни, когда уѣзжалъ въ поле съ лошадьми, я чувствовалъ себя свободно, располагался съ неизмѣнной книжкой и, быть можетъ, не одна потрава сосѣднихъ полосъ слѣдана была по винѣ забывшагося за книжкой мальчика. Въ концѣ августа пріѣхала учительница, чтобы отвезти меня въ семинарію. Мать категорически отказала ей. Какъ громомъ ударило меня, слезы и просьбы не помогли моему горю и никакія убѣжденія доброй учительницы не могли удержать мать отъ ея суроваго приговора. Впослѣдствіи выяснилось, что нашелся какой-то «добрякъ», который и затормозилъ это дѣло. «Студентомъ будетъ,—говорилъ онъ матери,—а тогда толка отъ него не жди: и иконы побьютъ въ дому, и тебя изъ дому выгонять!» Такъ всѣ мои свѣтлыя мечты поглотила сѣрая дѣйствительность. А на улицѣ товарищи смѣются надъ неудачникомъ:—«Чтожъ ты въ студенты-то хотѣлъ»? Я остаюсь въ кругу людей, которые не понимаютъ моихъ стремленій... Зимой попадаю въ волостное правленіе «на переписку бумагъ», «копіи писать», тамъ, по вечерамъ, оставаясь одинъ, усиленно занимаюсь чтеніемъ и писаніемъ стиховъ, просиживая до разсвѣта за любимыми занятіями. На собранныя деньги, «чаевые», покупаю себѣ книжки на рынкѣ. Черезъ волостное получалась почта—письма, газеты. Просматривая номеръ одной газеты, я нашелъ тамъ корреспонденцію изъ села, отстоящаго отъ волости въ 15 верстахъ. Долго старался узнать—кто это пишетъ и, наконецъ, выведалъ, что въ селѣ есть старикъ, который «пи-

шесть въ газетахъ». Черезъ одного знакомаго завелась у меня съ этимъ старикомъ переписка и вскорѣ мы познакомились лично. Это былъ самоучка-писатель (блаженной памяти, умеръ въ 1905 г., когда я былъ на военной службѣ), нѣкто Влазневъ, другъ извѣстнаго Сурикова.

Просмотрѣвъ мои стихи, онъ далъ совѣтъ больше работать надъ ними, но не бросать стихосложенія. Въ 1901 году два моихъ стихотворенія напечатаны были въ одной маленькой провинціальной газеткѣ. Въ 1902 г., узнавъ изъ газетъ о существованіи въ Москвѣ кружка народныхъ писателей, посылаю туда нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ два напечатаны были въ одномъ литературномъ сборникѣ. Съ однимъ изъ членовъ кружка велась у меня переписка, которая кончилась тѣмъ, что въ 1903 году я покидаю деревню и почти тайно уѣзжаю въ Москву. Не легко было деревенскому парню безъ средствъ скитаться по Первопрестольной».

Этотъ сжатый, неяркій разсказъ видимо написанъ человѣкомъ, который «скроменъ въ горѣ, шуменъ въ радости»; въ этомъ краткомъ очеркѣ виѣшней жизни скрыто много глубокой тоски и терзаній. Морозовъ умолчалъ о многомъ, испытанномъ имъ, — о трудѣ, изнурявшемъ его, о тяжелой своей службѣ въ солдатахъ и о томъ, какъ трудно ему, рабочему человѣку, живется теперь.

Не часто встрѣчаешь въ людяхъ благородную способность мужественно молчать о личномъ горѣ, о личныхъ обидахъ своихъ.

И рѣдки нынѣ люди, которые, посвящая себя

борьбѣ съ духомъ унынія въ мірѣ, желали бы пробудить въ сердцахъ ближняго чувство бодрости.

Каждый разъ, когда почта приносить сѣрую тетрадку «грошовой» бумаги, исписанной непривычною къ перу рукой, и письмо, въ которомъ неизвѣстный и знакомый, невидимый и близкій человѣкъ проситъ— «просмотрѣть» его опыты и сказать, «есть ли у меня талантъ, имѣю ли я право на вниманіе людей»— сердце сжимается и радостью, и скорбью, одновременно вспыхиваетъ въ немъ великая надежда и еще яростнѣй болитъ оно страхомъ за родину, переживающую нынѣ столь тяжелые дни...

Радость — потому что все больше и больше неуклюжихъ стиховъ, неумѣлой прозы и все выше, бодрѣй звучать голоса пишущихъ; чувствуешь, какъ въ нижнихъ пластахъ жизни разгорается у человѣка сознаніе его связи съ міромъ, какъ въ маленькомъ человѣкѣ растетъ стремленіе къ большой, широкой жизни, жажда свободы; какъ страстно хочетъ онъ повѣдать свои юныя думы, подбодрить усталого ближняго, приласкать свою грустную землю.

И такъ воодушевляюще жарка надежда на то, что скоро уже встанетъ, выпрямится нашъ пригнетенный народъ и бодро, со свѣжею силой вступить въ обще-человѣческую работу созданія новой культуры, новой исторіи.

Но, когда вспомнишь, сколь страшна жизнь каждаго выходца изъ народа, каждаго «писателя-самоучки», вспомнишь, въ какихъ ужасныхъ условіяхъ онъ пишетъ

свои «сочиненія», какая масса энергіи бесплодно тратится имъ на то, чтобы выразить мысль, уже выраженную до него; когда вспомнишь, что человѣкъ часто погибаетъ только потому, что недостаточно грамотенъ и нѣтъ у него времени учиться—давить сердце скорбь за людей, страхъ за будущее страны, не умѣющей помочь человѣку.

Мы живемъ въ странѣ малограмотной и въ эпоху, когда грамота такъ же необходима въ цѣляхъ самозащиты, какъ въ средніе вѣка каждому человѣку необходимо было имѣть оружіе.

Предъ нами—огромная работа реорганизаціи всей Россіи на новыхъ началахъ, намъ слѣдуетъ заботиться о развитіи и накопленіи культурныхъ силъ—силъ этихъ у насъ страшно мало, сравнительно съ тѣмъ спросомъ, какой предъявляетъ намъ наше сегодня и предъявить суровое завтра.

Намъ необходимо научиться беречь каждого человѣка, ибо онъ есть источникъ творческой энергіи—это необходимо намъ болѣе, чѣмъ какой-либо иной націи, вслѣдствіе нашей духовной нищеты и склонности къ пассивному подчиненію силамъ, враждебнымъ намъ, силамъ, затрудняющимъ культурный ростъ страны.

Никто не нуждается такъ сильно въ развитіи взаимопомощи и чувства дружбы, въ развитіи сознанія единства нашихъ задачъ, какъ нуждаемся въ этомъ мы въ наши тяжкіе дни.

И вмѣстѣ съ этимъ, нигдѣ не цѣнятъ человѣка такъ низко, какъ у насъ, нигдѣ онъ не безпомощенъ

болѣе, чѣмъ среди насъ, да и сами себя мы не умѣемъ достойно оцѣнить, хотя наша работа въ странѣ и даетъ намъ право на самоуваженіе.

Мы живемъ среди народа, по природѣ своей даровитаго и вотъ фактъ, неоспоримо подтверждающій это: ни одна страна Запада не даетъ столь высокаго процента самоучекъ писателей, техниковъ, основоположниковъ различныхъ сектъ, а если это явленіе возможно въ столь отвратительныхъ и тяжкихъ для развитія человѣка условіяхъ, каковы условія русской жизни,—мы имѣемъ право вѣрить въ даровитость и силу духа нашего народа.

Даровитый, сильный народъ и—не умѣетъ измѣнить къ лучшему унижительныхъ условій своего бытія—какъ это объяснить?

Отвѣтъ должны знать тѣ люди, кому народъ далъ возможность подняться на высоту европейской культуры. Позорное противорѣчіе—которое нынѣ становится противорѣчіемъ, грозящимъ пагубой странѣ—находитъ свое объясненіе въ недостаткѣ соціального чувства, именуемаго совѣстью.

Нужно ли говорить о томъ, что у русской интеллигенціи нѣтъ болѣе вѣрнаго друга и соратника въ борьбѣ за свободу, чѣмъ русская демократія?

Поэтому одинокіе люди съ вершинъ жизни должны внимательно слѣдить за одинокими людьми, восходящими къ нимъ съ низу, слѣдить и облегчать трудный путь для идущихъ—многіе изъ нихъ,—какъ, напримѣръ, Морозовъ,—идутъ къ великой, всѣмъ общей цѣли, съ прекрасной пѣсней:

„Блаженъ, кто сердцемъ изнывалъ,
Скорбя по свѣтлымъ идеаламъ!
Кто шелъ на встрѣчу братьямъ малымъ,
На путь добра ихъ призывалъ!

Въ сердцахъ грядущихъ поколѣній
Онъ будетъ жить изъ вѣка въ вѣкъ,
Призыванью вѣрный человѣкъ,
Землей рожденный добрый геній!“

М. ГОРЬКІЙ.

* * * ✓

Подъ гнетомъ грусти—я не ною,
Въ объятяхъ радости—пою;
Но вамъ не знать, какой цѣною
Купилъ я въ жизни пѣснь мою...

* * *

Я полюбилъ напѣвъ свободный,
Но почему, не знаю самъ,
И, какъ орелъ въ тоскѣ безплодной,
Стремлюсь къ далекимъ небесамъ.

* * *

Любовью къ жизни пламенѣя,
Лелѣя родину въ мечтахъ,
Пою съ восторгомъ о веснѣ я,
О свѣтломъ солнцѣ и цвѣтахъ.

* * *

Въ моей душѣ живетъ свобода —
Вулканъ въ подземной глубинѣ...
Я—сынъ великаго народа
И все народное во мнѣ.

—————

П О Э З І Я.

Ты меня околдовала, ты меня обворожила
И подъ шапкой невидимкой талисманомъ обвела,
Пѣсень пламенные звуки въ душу юную вложила,
Пробудила струны сердца, радость свѣтлую дала.

Ты склонялась надо мною,—слышалъ я твое дыханье,
Слышалъ шелестъ легкихъ крыльевъ, мѣрной рѣчи
тихій звонъ,
Страсти полный, полюбилъ я устъ твоихъ благоуханье
И навѣянный тобою безмятежный, сладкій сонъ.

Въ этомъ снѣ я видѣлъ лѣто и въ лучахъ золототканыхъ
Восходящее свѣтило, голубыя небеса,
Синегрудые туманы и просторъ полей безгранныхъ,
Гдѣ звенѣли, несмолкая, вольныхъ птичекъ голоса.

Видѣлъ я, какъ тѣни ночи надъ землею выплывали,
Какъ сплетались хороводомъ звѣзды въ сонной
глубинѣ,
Какъ цвѣты въ объятыхъ мрака тосковали-изнывали
И ласкался страстный вѣтеръ къ зачарованной
волнѣ.

А когда я пробуждался въ блескѣ дѣвственно-прекрас-
номъ,
Съ лучезарною улыбкой надо мной витала ты,
И—дрожали струны сердца и—въ дрожаньи ихъ стогласномъ
Открывался предо мною міръ волшебный красоты.